

Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана

Елена Викторовна ДУНАЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения Российской Академии наук; доцент, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: elena-vd@list.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Дунаева Е.В. (2018) Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 4. С. 169–189. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется роль шиитского духовенства в исламской революции и политической жизни ИРИ и рассматриваются возможности сохранения исламского правления в условиях модернизации иранского общества. ИРИ представляет собой особую модель развития общества и государства, созданную на основе концепции исламского правления, разработанной Хомейни. В основу государственного строительства были положены исламские принципы, и духовенство сумело установить практически абсолютный контроль над светскими структурами власти. Иранский режим нельзя рассматривать только как теократический. Он совмещает исламские идеи с основами республиканизма и допускает демократизм как форму политического участия. За почти 40-летний период своего существования (с 1979 г.) политическая система эволюционировала, что стало следствием экономического и социокультурного развития общества и влияния внешних факторов. Либерализация экономической сферы и развитие партий поставили на повестку дня перемены в политической жизни. В результате роль духовенства в политике стала сокращаться. Часть шиитских богословов, опираясь на идеи религиозного модернизма,

поддерживает укрепление демократических элементов в системе власти и даже готовы рассматривать возможность изменения сути принципа «веляят-е факих». Но клерикалы, стоящие на позициях фундаментализма, не готовы идти на сокращение исламской составляющей. Они резко осуждают тенденции модернизации, усилившиеся в иранском обществе в последние годы, и пытаются вернуть страну во времена первого послереволюционного десятилетия. Однако общество уже не готово разделить такие подходы. Поддержка им либеральных сил в ходе выборных кампаний последних лет и нарастание протестных настроений свидетельствуют о стремлении иранцев к большей либерализации. Хотя и на Западе в среде оппозиционных режиму групп, и внутри страны звучат призывы к свержению диктатуры духовенства, еще не утрачены надежды на выход режима на демократическую траекторию. Если внешние факторы не окажут деструктивного влияния, то иранская исламская модель общественной модернизации может быть реализована.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: шиизм, исламское правление, политическая система ИРИ, религиозный модернизм, реформаторы, консерваторы

Сорок лет назад Иран охватило революционное движение, носившее антимонархическую и антиимпериалистическую направленность и сочетавшее в себе чаяния демократии и стремление жить согласно нормам и положениям Корана. Уникальный характер иранской революции 1978–1979 гг. объясняется ведущей ролью духовенства, которое, вступив в альянс со светской оппозицией, сумело объединить разрозненные социальные слои, стремившиеся к социальной справедливости, под лозунгами, выраженными в доступной народу религиозной форме, и подняло массы на штурм режима. Религиозным лидерам удалось захватить власть, вытеснить с политической сцены другие идеологические течения и предложить эффективный проект государственного устройства – исламскую республику, которая воплощала в жизнь идею исламского правления в современном мире, разработанную идеологом революции аятоллой Хомейни. Созданная в Иране в первые послереволюционные годы политическая система обеспечила представителям религиозных кругов руководящие позиции. Исламский режим подтвердил свою жизнеспособность. Успешное развитие Исламской Республики Иран (ИРИ) в экономической, социально-культурной и научной сферах в сложных международных условиях демонстрирует возможность реализовать проект исламской модели общественной модернизации.

Попытки обосновать феномен исламской революции в конце XX в., уяснить связь шиизма и политики, ведущую роль духовенства в свержении шаха, разобраться в специфике вновь

созданной политической системы ИРИ предпринимались западными и отечественными исследователями с момента создания ИРИ¹. Однако интерес к этой тематике не снижается и до сих пор, как в связи с реальностью расширения исламских движений, поисками новых моделей общественного устройства, отвечающих историко-цивилизационным установкам общества на мусульманском Востоке, так и в связи со спецификой общественно-политической трансформации ИРИ [Мамедова, Санаи 2002; Лукоянов 2009; Дунаева 2016; Moussawi 2011; Ansari 2009].

Неразделимость ислама и политики. Традиции участия шиитского духовенства в политической деятельности

Возникновение и развитие исламского религиозного мировоззрения проходило одновременно с формированием религиозной общины (уммы) и политического союза, во главе которого стоял сам пророк Мохаммед. Он олицетворял собой религиозную и политическую власть, которая, согласно исламскому учению, имеет божественное начало. После его смерти эта традиция у шиитов была продолжена имамами – толкователями вероучения и руководителями религиозной общины. Согласно шиитской догматике, в IX в. 12-й шиитский имам, будучи еще ребенком, исчез, или «ушел в сокрытие», и должен будет вернуться в качестве Мессии. Однако, даже находясь «в сокрытии», он управляет общиной через доверенных лиц, на роль которых претендуют наиболее выдающиеся богословы – факи-

¹ Эта проблематика нашла отражение в первые послереволюционные годы в работах советских иранистов: С.Л. Агаева, С.М. Алиева, А.З. Арабаджяна, Е.А. Дорошенко, Н.М. Мамедовой, Л.Е. Складорова и других. Среди западных авторов эту тематику затрагивали О. Рой, Н. Кедди, М. Зонис, М. Реза Годс, Э. Абрахимян и др.

хи (знатоки шариата). Предполагается, что они выполняют его волю. В понимании шиитов этот тезис легитимизирует власть богословов и открывает для духовенства возможность активно вмешиваться в политическую жизнь. Опираясь на этот догмат, высшие религиозные авторитеты признавали шахскую власть нелегитимной и отказывались подчиняться светским правителям. Закрепленное в шиитской традиции право улемов на эджтехад, т.е. право комментировать и интерпретировать Коран и выносить решения по важным вопросам социальной и религиозной жизни, определяло особое положение шиитского духовенства в обществе.

Пожертвования верующих, управление вакфной собственностью, сбор религиозных налогов – хомса и закята² обеспечивали материальную независимость богословов.

Политизация шиитского духовенства Ирана начала четко проявляться с середины XIX в., когда оно стало выступать против попыток закабаления страны колониальными державами, пытаясь поставить заслон вестернизации. Так, духовенство активно противостояло проникновению западных государств и России в Иран и неоднократно объявляло джихад – священную войну. Улемы резко осуждали предоставление шахом иностранных концессий. Одним из ярких примеров оппозиционной деятельности духовенства стало объявление бойкота в 1891/92 гг. самому Насер од-дин шаху и английской кампании «Тальбот», получившей монополию на закупку и продажу табака, и организация народных выступлений. В результате концессия была аннулирована шахом.

Духовенство сыграло важную роль в Конституционном движении 1905–1911 г. Именно в этот период было положено начало идеологии религиозно-политического модернизма, т.е. предприняты попытки адаптировать идейно-нормативную базу ислама к требованиям современного общественного развития. Исламские лозунги использовались для формирования социальной опоры политических реформ. На первом этапе революции духовенство сыграло роль ведущей силы революционного процесса и требовало ограничения шахского деспотизма Конституцией, прекращения вмешательства колониальных держав.

В годы Второй мировой войны и в начале 50-х гг. в ходе борьбы за национализацию нефти духовенство выступало организованной политической силой, а религиозно-политический модернизм стал оказывать определяющее влияние на всю общественную мысль.

Мохаммад Реза Пехлеви, взяв курс на реформы общества и экономических отношений по западному образцу, пытался ограничить влияние богословов на социально-политическую жизнь. Под нажимом властей высшие религиозные деятели согласились на отделение религии от политики и выразили готовность следовать запрету для духовных лиц вступать в политические партии и организации. Однако на практике клерикалы не отказались от борьбы против шахской модели общественной модернизации, и противоречия по оси «шах – улемы» нарастают.

60–70-е гг. XX в. стали периодом расцвета исламской политической мысли. Религиозные и светские идеологи, разделявшие идеи религиозного модернизма: аятоллы Р. Хомейни, А. Таба-

2. Закят – добровольное пожертвование в пользу неимущих потомков пророка или «обездоленных». Хомс – доля имама, уплачиваемая шиитами духовенству, в размере 1/5 части своего годового дохода.

табаи, С.М. Талегани, М. Мотаххари, М. Бехешти, М.К. Шариятмадари, а также А. Шарияти, М. Базарган и др. вырабатывают религиозную идеологию, которая легла в основу исламской революции. Причем тезис о неразделимости ислама и политики становится базисом этой концепции. По словам аятоллы Хомейни, «...имперские державы с радостью отделили религию от политики и политику от религии. С самого начала наши политиканы продвигали эту идею, и мы, духовенство, поверили, что нам нет дела до политики и мы должны ограничиться только религией» [Доктрина исламской революции 2009, с. 85]. Развивая эту мысль, он заявлял: «Наш долг работать над установлением исламского правления. Первое, что мы должны предпринять в этом направлении, это пропаганда наших целей (...) враг не в состоянии отобрать у вас средства воздействия на массы. Вы должны учить людей всему, что связано с поклонением Аллаху, конечно, но более важны политический, экономический и юридический аспекты ислама. Наш долг приложить все силы к тому, чтобы установить истинное исламское правление. Мы должны поднимать волну интеллектуального пробуждения, проникать внутрь общества, постепенно формировать в умах просыпающихся религиозных масс образ исламского правления и, наконец, установить его» [там же, с. 65].

Параллельно с выработкой идейной концепции исламского движения начинается деятельность по созданию организационной структуры духовенства. С начала 60-х гг. аятолла Хомейни становится во главе оппозиционно настроенных улемов и ведет активную пропагандистскую работу. В 1961 г.

в Куме на базе его семинаров его ученики нелегально создают Общество преподавателей Кумского теологического центра (ОП КТЦ).

В Уставе организации было заявлено, что основные цели ее деятельности – это защита и распространение ислама и Корана, подготовка религиозных пропагандистов и направление их в различные районы страны, борьба за внедрение исламских норм в политику, экономику, судебную систему, социальную и культурную сферу. Кроме того, Устав требовал включиться в беспощадную борьбу с деспотизмом и социальным злом, оказывать всестороннюю поддержку угнетенным и неимущим³. Впервые Общество проявило себя как организатор выступлений против иницируемой шахом модернизации страны в июне 1963 г. Его членам удалось поднять мелких торговцев, ремесленников, полупролетарские элементы на борьбу с реформами и спровоцировать в Куме, Тегеране и ряде других городов столкновения с правительственными войсками. Эти события в современной иранской историографии оцениваются как предшественники исламской революции.

Стоит отметить, что духовенство Ирана не было едино. Сторонники Хомейни представляли наиболее радикальное крыло, открыто осуждавшее политику шаха и стремившееся укрепить свои позиции в политической сфере. В то же время группа аятолл Кума и Мешхеда придерживалась более сдержанной позиции, хотя и критиковала действия шаха. Их называли традиционалистами или умеренными.

Арест Хомейни и ряда его сторонников в 1963 г. и последовавшая высылка аятоллы из страны на 15 лет не сни-

3 Общество преподавателей Кумского теологического центра // <http://www.jameehmodarresin.org/aboutmenufa.html>, дата обращения 14.05.2018 (на перс. яз.).

зили накала противостояния. Духовенство ощущало необходимость большей организационной работы в народных массах и приступило к созданию политической организации, которая бы координировала действия всех проиламских сил. В 1973 г. по инициативе Кумского общества улемы, близкие к Хомейни, создали Общество борющегося духовенства Тегерана (ОБД). Среди его организаторов выделялись А. Хамени, А.А. Хашеми Рафсанджани, М. Мотахари, М. Бехешти и др. ОБД была сформирована как закрытая политическая организация духовенства, в состав которой вошли 95 богословов. За несколько лет они сумели взять под свое руководство большинство мечетей и культовых мест и мобилизовать массы на антишахскую борьбу. Организация распространяла обращения к верующим, проводила проповеди во время пятничных намазов, поддерживала постоянные контакты с Хомейни, находящимся в Неджефе (Ирак), тиражировала его письма и речи, оказывала помощь малоимущим [*Дараби* 2011/12, с. 187–189].

Оба общества стали рупором идей аятоллы Хомейни в Иране и, по сути, штабом религиозно настроенных сил накануне и в период революционных событий. Высокий уровень организованности духовенства способствовал тому, что оно сумело включиться в антишахскую борьбу и встать во главе массовых народных выступлений в 1978 г.

Теория исламского правления

Р. Хомейни, находясь вне Ирана, продолжал теоретическую разработку концепции исламской революции. В его речах и выступлениях просматриваются основные подходы к решению вопроса о власти, которые были кон-

кретизированы в его лекциях и в 1971 г. и получили завершение в его работе «Хокумат-е эслами» («Исламское правление»). Исходя из идеи, что вся власть от бога, и опираясь на шиитский догмат о посреднике между скрытым имамом (имамом Махди) и уммой – вали факихом, а также отмечая, что только шариат – мусульманское право – должен регулировать экономическую, политическую, юридическую и социально-культурную сферы жизни государства, Хомейни трансформирует традиционные представления о власти и вводит понятия «исламская республика», «исламское народовластие». Эта новая интерпретация шиитского учения предполагает, что базовым принципом иранской модели исламского государства становится принцип «веляят-е факих», т.е. руководство обществом и государством со стороны наиболее знающего и почитаемого богослова-правоведа, и вместе с тем включает в себя выборные институты. Большое место в проекте исламской республики отводилось воплощению идеи социальной справедливости. По мнению иранских исследователей, исламская республика как цель исламской революции «представляет собой новую модель государственного устройства, сочетающую в себе принципы республиканизма (демократии. – *Авт.*) и исламскую сущность, которая может рассматриваться как соответствующая интересам модернизации Ирана, способствующая осуществлению народовластия и учитывающая традиционные ценности» [*Хаджесарви* 2011/12, с. 63].

Помимо «хомейнизма» идеи политического ислама звучали и у других представителей исламского модернизма. Активно их пропагандировали представители леворадикального толка в шиизме – светский идеолог А. Шарияти и аятолла М. Талегани, в работах которых ислам сочетался с социалисти-

ческими идеями [Лукоянов 2008, с. 132–163].

Аятолла Хомейни, вернувшись в Иран на пике революционного движения в начале 1979 г., сумел его возглавить, облечь в организационные рамки и воплотить в жизнь свою идею исламского правления в современном мире.

Становление исламской республики: духовенство борется за власть

Сразу после февральского восстания (1979 г.) на повестку дня встал вопрос о создании новой системы власти в стране. Часть духовенства и некоторые представители либеральной буржуазии поддерживали идею исламской республики; однако рассматривались и другие проекты республиканского устройства. Само понятие «исламская республика» трактовалось неоднозначно. Часть высших шиитских богословов – представители традиционных кругов – великие аятоллы К. Шариятмадари (глава шиитской общины в Иране), Ш. Мараш-Неджафи и М.Р. Гольпагани не разделяли идеи государственного устройства во главе с вали-факихом и выступали против проекта Хомейни по переустройству государства. Либерально-буржуазные круги и левые силы, действовавшие в рамках сложившихся еще в 40–60-е гг. политических объединений, продвигали свое видение новой политической системы. Проект новой конституции, разработка которого началась по указанию Хомейни еще в конце 1978 г., имел несколько вариантов. В условиях обострения политической борьбы сторонники Хомейни, обеспокоенные возможностью быть отодвинутыми от власти, попыта-

лись перехватить инициативу и развернули борьбу за преобладание во вновь создаваемых на местах органах власти. Остро ощущалась необходимость объединения всех исламских сил в рамках единой организации.

Еще накануне революции аятолла М. Бехешти разрабатывал планы создания массовой партии во главе с духовенством⁴. В первые послереволюционные дни Общество борющегося духовенства (ОБР) объявило о создании религиозной политической партии – Партии исламской республики (ПИР). С согласия Хомейни, которого уже стали называть имамом, несколько религиозных деятелей инициировали создание политической организации с целью способствовать установлению исламского режима и обеспечению политического лидерства духовенства. Причем новое политическое объединение позиционировалось не как исламская партия, а именно как партия духовенства.

По мнению автора работ по истории исламской революции и политических партий А. Шадлу, «после победы исламской революции руководители исламского течения, осознавали необходимость взятия власти в свои руки. Они считали, что причиной поражения двух предыдущих народных движений – Конституционной революции и движения за национализацию нефти – стал тот факт, что духовенство, активно участвуя в них, не встало у руля власти» [Шадлу 2002/03, с. 281].

Внедряя в массы идеи Хомейни о неразрывности религии и политики и необходимости духовенства встать у руля государства, оно сумело вовлечь верующих в партийные ряды. Запись в местные ячейки происходила, как правило, на собраниях в мечетях, и ссылки на участие в революционном движении

4 Р. Мохтари Эсфахани (2008) Опыт первой религиозной партии // Этемад-е мелли. 22 января 2008 (на перс. яз).

было достаточно, чтобы стать ее членом⁵. В провинции в кратчайшие сроки были созданы территориальные структуры партии, во главе которых стояло духовенство. Органом ПИР стала газета «Джомхури-йе эслами» («Исламская республика»).

Создание ПИР можно расценивать как развитие идей исламского модернизма. Эта организация представляла собой институт современной политической практики, руководителями и членами которого были представители религиозного сословия. В то же время как дань традиции, закрепленной еще шахской Конституцией, помимо руководящих органов партии создавался совет из пяти высших богословов, которые были одобрены имамом. Он выносил свои суждения о соответствии решений и деятельности партии нормам шариата⁶.

В ПИР были представлены различные течения, и она превратилась в коалиционное объединение исламских сил, от сторонников А. Шариати до последователей Партии исламской коалиции (ПИК), выражавших интересы консервативных групп. В первое послереволюционное десятилетие эта религиозно-политическая структура стала основным инструментом мобилизации народных масс, осуществлявшейся на основе популистских исламско-радикальных идей.

Благодаря деятельности ПИР и двух обществ духовенства сторонникам имама Хомейни удалось закрепить в проекте Конституции принцип *веляят-е факих*, добиться его одобрения большинством голосов на общенародном референдуме и консолидировать власть в руках духовенства.

Реализация идеи исламского правления

Конституция страны сформулировала основные принципы политического устройства исламской республики и закрепила исламские нормы организации общества и экономической деятельности как государственные. Официальное утверждение принципа «*веляят-е факих*», на основе которого духовный лидер становится первым государственным лицом, обеспечило легитимность власти духовенства. Он обладает чрезвычайно широкими полномочиями. В его компетенцию входят определение общей политики государства, руководство вооруженными силами страны, назначение ряда высших должностных лиц. Пост лидера не является пожизненным. Духовного лидера страны выбирает и смещает Совет экспертов, в который входят представители высшего шиитского духовенства, избираемые каждые восемь лет. Первым духовным лидером – главой страны стал сам имам Хомейни. После его смерти в 1989 г. на этот пост был избран аятолла С.А. Хаменеи, который занимает этот пост до сих пор. К органам исламского правления также относятся Наблюдательный совет и Совет по определению целесообразности принятых решений.

Наблюдательный совет включает в себя гражданских правоведов и знатоков мусульманского права (факихов). Шесть из них назначаются духовным руководителем, шестерых выбирает парламент. В обязанности этого органа входит определение соответствия решений, принимаемых парламентом, положениям ислама и нор-

5 Р. Мохтари Эсфахани (2008) Опыт первой религиозной партии // Этемад-е мели. 19 февраля 2008 (на перс. яз.).

6 По Конституции Ирана 1906–1907 гг., комиссия из пяти высших богословов решала вопрос о соответствии вносимых в меджлис законов нормам ислама.

мам конституции страны. Наблюдательный совет контролирует проведение выборов и референдумов в стране, утверждает кандидатуры на парламентские и президентские выборы и в Совет экспертов. Этот орган, по сути, может отклонить кандидатов, неудобных ему по политическим взглядам или иным причинам, что позволяет религиозным структурам влиять на результаты выборов демократического органа. Так, неоднократно в практике ИРИ Наблюдательный совет, стоящий на позициях радикального консерватизма, отклонял большинство кандидатов от либерального крыла. Он блокирует прохождение новых законов, уже принятых парламентом, поскольку считает их не соответствующими нормам ислама.

Совет (ассамблея) по определению целесообразности (СОЦП) – структура, формируемая самим духовным лидером на пятилетний срок. Согласно изменениям, внесенным в Конституцию ИРИ в 1989 г., вновь созданный орган наделен функциями консультативного совета при духовном лидере и призван определять государственную целесообразность решений, принимаемых органами законодательной власти, разрешать конфликты между Наблюдательным советом и меджлисом.

Однако в модели иранского государства присутствуют и элементы либерально-демократической системы. Конституция провозглашает принцип разделения властей. Высшим органом законодательной власти страны является однопалатный парламент – Собрание народного совета, или меджлис. Он избирается каждые четыре года прямым тайным всеобщим голосованием. Парламент принимает решения по всем вопросам в рамках, определенных Конституцией, ратифицирует все международные договоренности, утверждает кандидатуры членов кабинета. Де-

ятельность меджлиса осуществляется под контролем Наблюдательного совета, что в определенной степени ограничивает его потенциал.

Во главе исполнительной власти стоит президент, избираемый всеобщим голосованием на четыре года, и он не может занимать этот пост в течение более чем двух сроков. Президент – высшее после лидера официальное лицо в стране. Можно говорить о том, что в отличие от лидера, представляющего духовную власть, президент олицетворяет светскую. Полномочия президента охватывают управление экономической, политической и культурной жизнью страны, осуществление связей с иностранными государствами, обеспечение общественного порядка, но не включают контроль за вооруженными силами страны. Президент назначает министров и руководителей высших структурных звеньев государственного аппарата. По сути же деятельность президента сводится к руководству кабинетом министров.

В последние десятилетие неоднократно делались попытки расширить полномочия президента. А.А. Хашеми Рафсанджани пытался получить возможность переизбраться на третий срок. Реформатор М. Хатами провел через меджлис законопроекты о расширении своих прав, однако они были заблокированы Наблюдательным советом. В период президентства М. Ахмадинежада предпринимались шаги с целью ослабить подконтрольность исполнительной власти со стороны меджлиса и даже духовного лидера, однако они натолкнулись на жесткое противодействие со стороны консервативных сил, что вызвало политический кризис в стране и противостояние властей.

Руководитель судебной власти назначается сроком на пять лет духовным лидером из числа известных моджтахе-

дов⁷. Судебная система включает в себя общие суды и специальные суды: исламские революционные, по делам духовенства, военные трибуналы и проч. Она полностью управляется духовенством.

Таким образом, система государственного устройства ИРИ представляет собой переплетение элементов теократии и республиканизма при превалировании первых. В первое послереволюционное десятилетие клерикалы занимали лидирующее положение во всех властных структурах и преобладали в межджлисах первых двух созывов⁸.

Оценивая политическую систему ИРИ, стоит иметь в виду, что система принятия решений не ограничивается лишь государственными органами. Великие аятоллы религиозных центров Кума и Мешхеда, религиозно-политические общества духовенства (ОБВ и ОПКРЦ), канцелярия духовного лидера, руководство КСИР, Высший совет культурной революции, Высший совет национальной безопасности, совет пятничных имамов, Организация исламской пропаганды прямо или косвенно вовлечены в процесс выработки решений по наиболее актуальным внутренним и международным вопросам. Однако последнее слово остается за духовным лидером.

Одновременно были созданы специальные институты мобилизации масс и подавления инакомыслия – КСИР и басидж⁹. Религиозные институты, намазы, сообщества по проведению шиитских церемоний использовались в целях укрепления режима и стали носить политическую окраску. Так, мечети превращались в выборные

участки. Пятничный намаз включал в себя не только проповедь и молебен, но и обязательную лекцию об основных проблемах внутреннего и внешнего характера. Причем политические вопросы, поднимающиеся в ходе молебнов, вырабатываются специальным советом. Эта традиция сохраняется до сегодняшнего дня и порой оценки, даваемые руководителем намаза тем или иным событиям, не согласуются с линией, проводимой правительством.

К середине 80-х гг. духовенство сумело установить полный контроль над политической жизнью страны, и ислам стал системообразующим элементом политической системы. Это позволило авторам и в России, и на Западе говорить о диктатуре духовенства, авторитарном режиме муллократии. Так, российский иранист Л.Е. Склярлов рассматривает исламскую республику как авторитарную систему, Хомейни называет диктатором и полагает, что «после свержения шахского режима к власти пришло не духовенство как сословие, а узкая группа богословов (...) и не ислам как религия стал официальной государственной идеологией, а его искаженная версия в интерпретации Хомейни» [Склярлов 1993, с. 230–231]. Его мысли о том, что созданный в Иране режим нельзя рассматривать как исламский, подтверждает Жиль Кепель. Он рассматривает иранский проект как неудавшуюся попытку воплощения исламской утопии, исламскую республику считает «исторически изжившей себя, отсталой и отвергнутой моделью (...), которая уже перестала быть утопией и носительницей будущего» [Кепель 2002].

7 Моджтахед – богослов, имеющий право на эджтахед, т.е. могущий толковать Коран и выносить собственные решения по тем или иным вопросам.

8 В межджлис 1-го созыва было избрано 164 представителя духовенства из 245 депутатов, среди депутатов межджлиса 2-го созыва было 153 духовных лица – <http://sedayiran.com/fa/news/108938>, дата обращения 16.05.2018 (на перс. яз.).

9 КСИР – Корпус стражей исламской революции. Басидж – полувоенное добровольное объединение молодежи.

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что исламский режим в Иране авторитарен. Однако приведенные выше характеристики режима относятся к периоду формирования системы власти и ее функционирования в условиях восьмилетней ирано-иракской войны. Следующие десятилетия продемонстрировали готовность этой системы к эволюции, что и позволило аналитикам увидеть новые грани в модели исламского правления. Они отмечают сочетание идей исламизма и республиканизма. Так, демократическую составляющую можно увидеть в избирательной системе ИРИ. Регулярное проведение выборов президента, парламента и местных советов на альтернативной основе, проходящих при активном участии населения, оценивается в Иране как достижение исламской демократии [Вознесенский 2011, с. 266]. Эту точку зрения разделяет американский автор иранского происхождения Э. Абрахамиян: «Конституция скрестила принцип веляят-е факих, сформулированный Хомейни, с принципами Французской республики по Базаргану при превалировании первого над вторым. Этот закон соединил понятия божественное право и права человека (гражданские. – Авт.), теократию и демократию, голос Бога и голос народа, власть духовенства и народное самоуправление» [Abrahamiyan 2008, p. 164]. О развитии демократического потенциала в условиях исламской республики говорят и другие авторы. Так, А. Ансари и Э. Мусави отстаивают существование потенциала для развития демократического тренда даже в условиях реализации принципа веляят-е факих и именно в этом сочетании видят национальную специфику иранского проекта [Ansary 2006, pp. 18–23; Moussawi 2011, p. 15]. Причем Мусави отмечает, что никакая демократия, навязанная извне, не сможет укорениться

на иранской почве, поскольку посылы к демократизации заложены в религиозно-политических традициях страны [Moussawi 2011, p. 14].

Раскол исламского течения

Спецификой иранского политического ландшафта второй половины 80-х гг. стало оформление двух идеологических направлений в исламском политическом дискурсе, что отразило раскол среди духовенства. Разногласия правых и левых проявились внутри ПИР, вылились на трибуны межджлиса, отразились на страницах газет и охватили все государственные структуры и институт пятничных имамов. Противоречия во взглядах касались экономического и внутривнутриполитического развития страны, внешней политики, богословских вопросов. Правые выступали за сохранение режима веляят-е факих в неизменном виде, однако требовали обеспечения свободы экономической деятельности и укрепления частной собственности, не одобряли широкомасштабное вмешательство государства в экономику, т.е. были сторонниками идеи свободного рынка и капиталистического развития. Левые, поддерживая идею веляят-е факих, акцентировали развитие исламской демократии, реализацию идеи справедливости, не признавали имущественное неравенство, продвигали идеи государственной или кооперативной собственности (социализации), расширения системы субсидий и всесторонней поддержки малоимущих слоев. В сфере внешней политики левые призывали к экспорту революции, оказанию помощи всем угнетенным и борьбе с диктаторскими режимами Запада и Востока. Правые не скрывали своего интереса к расширению связей с Западом и с США

[*Дараби* 2011/12, с. 180–185]. Их опорой стали базари – торговцы и мелкие и средние предприниматели, т.е. представители традиционных слоев. Левое крыло исламского течения было представлено Организацией моджахедов исламской революции, исламской интеллигенцией и частью студенчества.

В сфере теологии правые отстаивали сохранение всех традиций шариата и фикха в неизменном виде. Именно поэтому их стали называть традиционалистами или консерваторами, и это понятие до сих пор сохраняется в политической литературе страны. Их оппоненты видели необходимость развития фикха и наделяли духовного лидера правом пересмотра некоторых норм шариата и толкования их согласно требованиям времени, т.е. были проводниками идей исламского модернизма [*Дараби* 2011/12, с. 186–187]. Сам имам Хомейни, хотя позиционировал себя как политический лидер, стоящий над разногласиями, на практике чаще оказывал поддержку левым.

Руководители ПИР осознавали невозможность продолжения ее деятельности в сложившейся ситуации. Отсутствие единства представляло угрозу для стабильности государства, находящегося в условиях войны с Ираком. С разрешения имама Хомейни в 1988 г. ПИР была распущена. Раскол в лагере духовенства сохраняется до сих пор. На политической арене страны три десятилетия представлены сторонники консерватизма и исламского модернизма, которые попеременно возглавляют органы исполнительной и законодательной власти и пытаются реализовать свои идеи на практике, что, с одной стороны, придает определенный баланс системе. Однако, с другой стороны, периодически их соперничество обостряется и переходит в конфликт, и только вмешательство духовного лидера уравнивает ситуацию.

Государственные интересы берут верх над исламскими принципами

Начало 90-х гг. открывает новый период в развитии исламской республики. Избранный по окончании ирано-иракской войны президентом ходжатоль-эслам А.А. Хашеми Рафсанджани, одновременно занимая пост руководителя СОЦР, ставит целесообразность во главу угла своей политики, демонстрируя тем самым, что государственные интересы превалируют над идеологическими установками. Его программа либеральных экономических реформ была вызвана значительным сокращением экономического потенциала за годы войны и падением жизненного уровня населения, что угрожало стабильности режима. Правительство призывало начать широкий международный диалог с целью привлечения технологий и инвестиций и открыло возможности расширения рыночных отношений. Реформы этого периода стали попыткой увязать принципы неолиберальной западной модели с «исламскими экономическими механизмами и выработать экономическую модель, более привлекательную для стран с мусульманским населением, чем доказавшие свою эффективность модели европейских стран» [*Ульченко, Мамедова* 2006, с. 257]. Часть духовенства поддержала этот курс, положив начало процессу политической либерализации.

К середине 90-х гг. идеи религиозно-модернизма получили новое развитие. Религиозные идеологи, среди которых надо выделить аятоллу Х.А. Монтазери, бывшего соратника имама Хомейни, переосмыслили соотношение религиозных и демократических начал в концепции исламского правления, основываясь на опыте первого десятилетия. Монтазери разрабатывал идеи ре-

лигиозной демократии и осуждал пре-валирование теократических тенденций в существующей государственной модели, что поставило его в ряды оппозиционеров режима. Однако его воззрения дали толчок переосмыслению идей исламского правления религиозными и светскими идеологами, в первую очередь А. Сорушем, и стали идеологической программой реформаторского течения, выходящего на политическую арену страны.

С середины 90-х гг. активизируется деятельность политических партий и организаций и начинается формирование партийной системы¹⁰. Отошедшие от консервативного лагеря в середине 90-х прагматики-технократы, поддержанные президентом А.А. Хашеми Рафсанджани, сформировали партию Каргозаран, деятельность которой подготовила почву для развития либеральных идей. На нее стали ориентироваться представители нового среднего класса, оторванного от традиционных ценностей. К этому периоду в лагере «левых» произошло значительное изменение позиций. Они дистанцировались от идеологии исламского левого радикализма, приняв идеи свободного рынка, приватизации, развития гражданских свобод, заговорили об изменениях в политической системе, поддержали расширение связей с западным миром и посчитали возможным допуск культурных достижений западной цивилизации в исламское общество.

Накануне президентских выборов 1997 г. под лозунгами политических реформ и демократического развития была сформирована коалиция реформаторов и прагматиков, которая сумела в результате выборов привести к власти ходжат-оль-эслама М. Хатами. После его избрания 18 политических

групп и партий объединились на платформе исламской демократии и сформировали «Фронт 23 мая» в поддержку нового президента. Это и положило начало движению, которое в Иране известно как реформаторское. Идейным штабом движения стала Ассоциация борющегося духовенства – политическая организация религиозных деятелей реформаторской направленности, отколовшихся еще в конце 80-х гг. от Общества борющегося духовенства.

Реформаторам противостоял консервативный фланг. Он также объединял почти два десятка партий и возглавлялся Обществом борющегося духовенства. Такое положение отражало специфику ИРИ конца 90-х гг., когда служители культа стояли во главе процесса создания партийной системы и инициировали политическую модернизацию в рамках исламской системы.

Первые попытки осуществления политической либерализации

М. Хатами сформулировал идеи укрепления республиканских начал и демократизации политической жизни, создания основ гражданского общества, призывал к скорейшему проведению реформ в социально-политической и культурной сфере. Активизировались женские, молодежные, профессиональные организации, защитники прав национальных и религиозных меньшинств. Был принят закон о деятельности НГО, появились многочисленные СМИ. В стране наблюдался невиданный подъем политической активности. Впервые в истории ИРИ были проведены выборы в местные исламские советы. Реформаторам удалось по-

¹⁰ До распада ПИР в конце 80-х гг. деятельность других партий была официально запрещена.

лучить большинство мест в парламенте. Под давлением Движения 23 мая президент инициировал демократические реформы, которые были одобрены парламентом. Однако попытки их осуществить натолкнулись на сопротивление консервативного лагеря, сохранившего сильные позиции в системе государственной власти, в котором были напуганы быстротой развития политического процесса, и вызвали обеспокоенность духовного лидера. Можно говорить о том, что система сдержек и противовесов защитила режим от вызовов либерализации. Ряд авторов характеризуют эти годы как попытку демократического транзита [Ansary 2006, pp. 20–21].

Некоторая либерализация политической жизни привела к ослаблению исламской составляющей, выразившемуся в снижении влияния религиозных институтов на общество. Политические процессы начала XXI в. демонстрируют падение влияния организаций духовенства на политическую жизнь, что особо заметно в ходе выборных кампаний. Усиливается сегментация внутри идеологических течений, происходит обособление наиболее радикальных группировок двух флангов. Идет смена элит. Партии и формирующиеся в ходе выборов коалиции возглавляются уже не представителями духовенства. На политическую сцену выходит новое поколение, не познавшее революцию и войну, которое не разделяет революционные исламские ценности. Это поколение хорошо образованно. Несмотря на существующие в Иране запреты, оно вовлечено в систему глобальных коммуникаций, стремится к большей свободе, мобильности и не готово терпеть тотальный контроль духовенства. Молодежь все больше ориентируется на религиозно-политических идеологов новой волны реформаторства, которые, уехав за

рубеж после «оттепели Хатами», разрабатывают альтернативные проекты государственного устройства, объединяющие ислам и демократию. Среди них светский идеолог А. Соруш и религиозный деятель М. Кадивар. Их концепции исламского государства отличает более «современный подход к вопросу о соотношении гражданско-демократических и религиозных начал в государственно-политической системе» [Федосеевкова 2011, с. 28].

Однако большую часть населения ИРИ составляют еще традиционные слои. Не понимающие сути социально-политической модернизации, не готовые к восприятию множественных инноваций, привыкшие детально следовать указаниям духовного наставника, они в период реформаторства поддержали консервативный фланг и выступили за укрепление авторитарной власти вали факиха.

Консерваторы берут реванш

На президентских выборах 2005 г. победу одержал представитель новой волны консерваторов М. Ахмадинежад (2005–2013). Впервые за всю историю ИРИ основные центры власти оказались в руках представителей консервативного фланга, что можно рассматривать как отступление от завоеванных реформаторами позиций. В эти годы на фоне возврата к лозунгам первого послереволюционного десятилетия начались репрессии против либеральных сил, ограничивалась свобода прессы – одно из главных достижений М. Хатами, ужесточались исламские нормы в быту.

М. Ахмадинежад, опираясь на идеологию фундаментализма, вместе с тем олицетворял новое поколение консерваторов, которое стремится найти свое место на политической сцене и

ради этого готово потеснить духовенство. В годы его президентства наблюдалось сокращение количества клерикалов в исполнительной и законодательной власти¹¹. В своей деятельности он опирается больше на КСИР, нежели традиционные религиозные структуры, конфликтует с великими аятоллами, а к концу второго срока пытается выйти из-под контроля А. Хаменеи. Он даже неоднократно упоминает о контакте с сокрытым имамом, умаляя тем самым значение лидера.

Можно говорить о том, что в первом десятилетии XXI в. на политическую арену выходят новые светские элиты, представляющие третье поколение революционеров, которые постепенно заменяют духовенство в государственных органах и укрепляют светское начало во власти. Их представители формируют новые партии и возглавляют фракции в меджлисе и коалиционных объединениях.

Религиозно-политическое руководство консервативного лагеря, одобрявшее деятельность М. Ахмадинежада в первые годы президентства, постепенно отказывает ему в поддержке. Его опорой остается лишь узкая группа крайних радикалов.

Прореформаторские силы, вытесненные из властных структур и практически изгнанные с политической арены, опираясь на свой социальный ресурс, предпринимают попытку вновь вернуться во власть на президентских выборах 2009 г. Предвыборная кампания демонстрирует невиданный подъем сил, выступающих против радикальной политики М. Ахмадинежада, за упрочение основ республиканизма, развитие демократических институтов и дальнейшие либеральные реформы.

Часть духовенства, критически настроенная по отношению к Ахмадинежаду, поддерживает кандидатов от реформаторов. К оппозиционному лагерю присоединилась часть представителей консервативного фланга, стоящая на умеренных и прагматичных позициях.

Эта предвыборная кампания отличалась особо острой политической борьбой. Подготовка к выборам выветила новые реалии общества – снижение авторитета религиозных политических организаций, которые ввиду изменения социально-экономических условий страны и новых запросов общества перестают быть идейным ядром для сплочения сил. ОБД и ОПКТЦ, в первые два десятилетия ИРИ ставшие одним из основных механизмов консолидации, хотя и откликаются на все события внутренней и международной жизни, явно утратили свое влияние. Несмотря на то что система современных политических партии в ИРИ еще не сложилась и они не обрели необходимого веса в иранском обществе, традиционные религиозно-политические институты уже плохо вписываются в новый внутривнутриполитический контекст.

Модернизм против фундаментализма

Повторная победа М. Ахмадинежада на выборах вызвала взрыв возмущения среди иранцев. Кандидаты от реформаторского лагеря (С.Х. Мусави и ходжат-оль-эслам М. Кяруби) не признали итоги выборов и призвали своих сторонников выйти на протестные акции. Протестное движение, которое стали называть «зеленым», первоначально обращалось к властям с тре-

11 За годы президентства М. Ахмадинежада в меджлис 8-го созыва было избрано 44 представителя духовенства и 27 – в меджлис 9-го созыва – Духовенство в парламенте (с 1-го по 10-й) // <http://sedayiran.com/fa/news/108938>, дата обращения 20.05.2018 (на перс. яз.).

бованием пересмотреть итоги выборов. Однако по мере его расширения над ним все больший контроль устанавливали радикальные группы реформаторской ориентации, связанные с иранской эмиграцией на Западе. Оппозиционные властям идеологи «новой волны» исламского модернизма опубликовали манифест, в котором открыто обвинили аятоллу А. Хаменеи в утверждении в Иране системы единой власти и предложили свое видение трансформации режима через демократические преобразования [Федосеев 2011, с. 28]. Внутри страны идейной опорой «зеленого движения» стал опальный аятолла Х.А. Монтазери, духовный наставник реформаторского течения. Его похороны вылились в крупнейшую манифестацию сторонников преобразования исламского строя. Некоторые из великих аятолл на первом этапе поддерживали протестующих. Содействие оппозиционерам оказывал руководитель СОЦР аятолла А.А. Хашеми Рафсанджани, что и стало причиной его политического затворничества в течение нескольких лет.

Впоследствии в рядах демонстрантов появились лозунги против исламского режима. Призывы к ликвидации «велят-е факих» не нашли понимания в обществе. В ходе ответных массовых демонстраций иранцы заявляли о поддержке лидера и исламской республики. В акциях в защиту власти принимали участие известные сторонники лагеря реформаторов и даже активисты «зеленого движения». Эти события привели к резкому сокращению его социальной поддержки. События осени 2009 г. показали, что большая часть населения не разделяет идей изменения системы власти и пока не готова отказаться от принципа *велят-е факих*, а выступает лишь за реформирование режима. Это движение не стало общенародным и остановилось на стадии

протестных акций средних городских слоев и студенчества, поскольку ввиду особенностей экономического и социально-культурного развития Ирана ему не удалось привлечь на свою сторону представителей других социальных групп.

Власти в целях поддержания внутренней стабильности попытались задействовать все мобилизационные способности режима и применили насильственные методы. Хотя кризис был ликвидирован, его результатом стал раскол общества на две большие группы: сторонников сохранения режима в неизменном виде и выступающих за его трансформацию. Это размежевание наблюдалось и среди духовенства. Стоит признать, что с осени 2009 г. само понятие «реформаторство» воспринималось частью общества как антигосударственная и даже антиисламская деятельность, а участники движения ассоциировались с мятежниками. Это понимание до сих пор сохраняется в наиболее радикальных исламских кругах.

Однако, несмотря на разгром реформаторских организаций после выборов, полностью искоренить это идейное течение не удалось. Хотя оппозиционное движение было задавлено, причины, приведшие к его возникновению, устранены не были. Внутри общества лишь усилился интерес к идеям демократии. События 2009 г. были расценены как самый сложный период в истории исламской республики. Они поставили перед руководством страны вопрос: каким путем пойдет дальнейшее развитие Ирана? путем усиления исламской компоненты или развития дихотомии – ислам-демократия?

Высшие шиитские богословы осознали необходимость реформ в политической сфере для укрепления стабильности режима. Свое видение реформ продемонстрировал и духовный

лидер, сильно обеспокоенный разбалансировкой всей системы власти. Он открыто заявил о намерениях в будущем внести корректировки в политическую систему, с тем чтобы законодательно закрепить контроль парламента над президентом, предоставив депутатам право избирать главу исполнительной власти, и тем самым превратить президентскую республику в парламентскую¹². Консервативное крыло, отслеживая усиливающиеся в обществе тенденции модернизации, предлагало усиление религиозной парадигмы и ограничение демократических институтов.

Усиление внешнего давления на Иран и ужесточение санкционного режима в связи с развитием ядерной программы настолько обострило экономическую ситуацию, что на время отодвинуло дискуссии по политическим вопросам. Духовный лидер говорил о сплочении всех внутренних сил для противостояния врагам республики, однако внутри страны усиливалось противостояние религиозно-политических элит и их дальнейшая сегментация. От консервативного фронта отделились наиболее радикальные группы, которые открыто противостояли умеренно-традиционной и прагматично-либеральной частям этого лагеря.

Реформаторский фланг, переживший жесточайшие репрессии, отмежевался от радикальных группировок и, опираясь на позиции умеренного реформаторства, попытался вернуться на политическую арену. Его лидер М. Хатами заявлял о верности идеям исламской революции, принципу *веляят-е факих* и конституции страны и призывал оставшиеся в стране либераль-

ные силы пересмотреть стратегию действий.

В 2013 г. в условиях международной изоляции и обвала экономики либерально настроенное духовенство сумело мобилизовать общество на создание широкой коалиции в составе вновь созданных и восстановленных реформаторских партий, прагматиков-технократов и части умеренных консерваторов, которая привела на президентских выборах к победе их кандидата – ходжат-оль-элама Х. Роухани. Его программа поставила основной целью деятельности нового правительства снятие санкций и обеспечение гражданских свобод. Х. Роухани, представляя высшее духовенство, реализует идеи умеренного направления в религиозном модернизме и увязывает их с интересами новых средних слоев. Он выступает за более активное участие населения в общественно-политической жизни, за равноправие женщин, освобождение культурной сферы от излишнего контроля со стороны религиозных структур.

Деятельность его правительства открыла новый этап политической и социокультурной либерализации. На фоне заметного повышения уровня политического участия граждан в последние годы наблюдается усиление интереса к проблемам дальнейшего развития страны. Часть шиитского духовенства поддерживает идеи либерализации общественно-культурной жизни и даже готово к реформированию политической сферы в рамках исламской республики. Оно ставит вопрос о пересмотре функций Наблюдательного совета с целью сокращения его влияния на выборы светских органов власти, об изменении Закона

12 А. Мейсами Техрани. О возможности ликвидации поста президента в рамках религиозного народовластия // www.tabnak.ir/fa/news/197898, дата обращения 24.05.2018 (на перс. яз.).

о выборах и партиях. Недовольство духовенства вызывает обязательный экзамен для кандидатов в члены Совета экспертов. На последних выборах в этот орган в 2016 г. внук имама Хомейни, отказавшийся пройти тестирование, не был допущен к участию в кампании. Много лет ждет решения Наблюдательного совета вопрос о возможности женщины стать президентом, хотя многие религиозные лидеры дают на него положительный ответ.

В религиозном сообществе обсуждается вопрос и о возможности замены вали факиха советом факихов (3–5 чел.), создание которого было предусмотрено в первом тексте иранской конституции. Ряд ведущих аятолл допускают, что руководство обществом со стороны духовенства может быть коллегиальным. Некоторые высказываются относительно необходимости ограничивать полномочия духовного лидера. Однако этот политический дискурс воспринимается в штыки радикальным духовенством, представители которого видят решение всех проблем в усилении исламизации и укрепления института вали факиха. Отмечая разложение иранского общества из-за проникновения западных ценностей, они усиливают борьбу за ужесточение исламских норм в быту, в общественной жизни и делают ставку на исламские институты – мечети, пятничные намазы, религиозные церемонии, которые проводят индоктринацию населения, используя традиционные образы и понятия. Радикальное духовенство прилагает максимум усилий, чтобы отстранить правительство Х. Роухани от власти и предотвратить дальнейшую эволюцию режима.

Недовольство политикой властей нарастает: сумеют ли изменить курс

В самом начале 2018 г. по Ирану прокатилась волна выступлений и демонстраций, на которых звучало недовольство экономической ситуацией в стране и снижением уровня жизни. Высказывались обвинения в адрес правительства в связи с неспособностью разрешить бытовые трудности населения. Экономические акции в ряде мест стали перерастать в политические протесты. Впервые за всю историю ИРИ открыто осуждались диктатура духовенства, исламский режим и лично духовный лидер. Были предприняты попытки восстановить имидж шахов Пехлеви, что свидетельствует о выходе на политическую сцену нового поколения иранцев, далеких от идей исламской революции. Протестующие в ряде мест нападали на представителей духовенства, обвиняя их в коррупции и отказе от принципа социальной справедливости, препятствовали проведению пятничных намазов. Аналитики на Западе рассматривали эти события как преддверие антиисламской революции, сильно преувеличив их размах и политическую суть протестов. Даже окружение М. Ахмадинежада заговорило о приближении существующего режима к своему концу и сопоставляло события января 2018 г. с антишахскими демонстрациями 1978 г.¹³

Январские протесты отразили широкий спектр настроений иранского общества и отличались разнонаправленностью лозунгов и устремлений. Тем не менее многочисленные демонстрации так и не переросли в массовое движение. С социальной точки зрения, протестующие представляли низшие слои

13 Mashaei Opened the Tasks of Ahmadijead's Mission: to Bring the Regime to a Revolutionary Situation – <http://www.tabnak.ir/fa/news/766109>, дата доступа 25.05.2018 (на перс. яз).

среднего класса и самые низы общества. Основная масса городских слоев не поддержала эти выступления. Эти социальные группы, опасаясь дестабилизации ситуации по сирийскому сценарию, заявили о поддержке властей, поскольку еще не потеряли надежду на либерализацию режима. Соцопросы, проведенные по окончании акций, показали, что 75% населения недовольны ситуацией в стране, но лишь 9% корень проблем видят в руководящей роли духовенства. Почти 60% убеждены в том, что режим можно реформировать, и только треть опрошенных не видят перспектив для существующей политической системы¹⁴.

Недавние события показали, что пока в стране не сложились предпосылки для революционной ситуации. Власть еще сохраняет запас прочности, однако недовольство политикой духовенства среди молодых поколений нарастает. Молодежь требует расширения политических и социальных свобод, ликвидации вмешательства в личную жизнь, перехода от политизированного общества к гражданскому. Прослойка недовольных режимом в его нынешней форме день ото дня расширяется, что демонстрируют многочисленные кампании неповиновения властям в интернете и увеличивающееся число протестных акций в стране.

Значительная часть религиозно-политической элиты осознает необходимость кардинальных преобразований ради выживания исламской республики. Х. Роухани пытается воспользоваться моментом, ослабить экономические позиции радикального духовенства и КСИР, продвинуть более либерально настроенных шиитских улемов на посты пятничных имамов и руководителей религиозных структур, провести ряд мер, направленных на либера-

лизацию социально-культурной сферы. Он имеет поддержку в среде духовенства, готового к смягчению исламских норм, внесению некоторых изменений в Конституцию. Но очевидно, что он и его сторонники не готовы принять тот факт, что духовенство не должно управлять обществом, и допустить секуляризацию режима.

Крайние радикалы говорят о необходимости жестко подавлять все проявления недовольства, ограничить доступ к интернету и усилить исламскую составляющую. Эти круги, полностью контролирующая религиозную трибуну, при поддержке КСИР будут пытаться и далее дискредитировать правительство, мобилизуя против него традиционные слои, чтобы не допустить снижения авторитарности религиозной власти. В условиях сильнейшего внешнего давления со стороны США, их поддержки эмигрантских организацией, отсутствии перспектив продолжения СВПД, ужесточение внутренней политики и игнорирование требований нового поколения может подставить под угрозу будущее режима.

Борьба умеренных либералов и радикальных консерваторов отражает противостояние двух идеологических течений: мусульманского консерватизма (фундаментализма) и религиозно-политического модернизма по вопросам исламской модели управления обществом. Причем по сути это столкновение традиционности и стремления к модернизации. Духовенство, вставшее почти 40 лет назад у руля власти в Иране, предложило народу свою модель политического и социально-экономического развития. Несмотря на установление абсолютного доминирования духовенства, выстроенная система несла в себе демократический потенциал. По мере разви-

14 <http://aftabnews.ir/fa/news/507140>, дата доступа 25.05.2018 (на перс. яз).

тия общества в направлении модернизации в нем возростали запросы на развитие этого потенциала. Духовенство, разделявшее идеи модернизма в исламе, возглавило процесс экономической и политической либерализации и выразило готовность к трансформации системы. Из-за сохранения наиболее сильных рычагов власти в руках консервативно настроенного духовенства, выходящего за доминирование религиозной компоненты, попытки реформирования политической сферы оказались безуспешными. Однако пока еще надежды на преобразование системы в сторону усиления республиканских органов власти и демократических начал при сохранении исламской компоненты не исчерпаны.

Существующую в Иране на протяжении почти 40 лет систему исламского правления можно рассматривать как модель модернизации общества, которое идет незападным путем и опирается на традиционные ценности, сочетая их с принципами демократии и сохраняя свою политическую идентичность.

Список литературы

- Вознесенский А.Д. (ред.) (2011) Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы. М.: Аспект-Пресс.
- Дараби А. (2011/12) Политические течения в современном Иране. Тегеран: Исследовательский центр культуры и научной мысли (на перс. яз.).
- Доктрина исламской революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни (2009). М.: Научная книга.
- Дунаева Е.В. (2016) Политическая система Исламской республики Ирана: вызовы либеральной модернизации // Восток (Oriens). № 1. С. 111–120.
- Кепель Ж. (2002) К «мусульманской демократии»? // Неприкосновенный запас. № 6 (26) // <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/kepel.html>, дата обращения 21.05.2018.
- Лукоянов А.К. (2009) Исламская революция. Иран – опыт первый. М.: Май-принт.
- Мамедова Н.М., Санаи М. (ред.) (2001) Иран: ислам и власть: Сб. статей. М.: Институт востоковедения.
- Скляр Л.Е. (1993) Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. М.: Наука.
- Ульченко Н.Ю., Мамедова Н.М. (2006) Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М.: Городец.
- Федосеев А.Н. (2011) Религиозно-политический модернизм в современном Иране. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИВ РАН.
- Филин Н.А. (2014) Концепция «марджаата» в реалиях современного Ирана // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). М.: ИВ РАН, Крафт+. С. 210–218.
- Хаджесарви Г. (ред.) (2011/12) Политика и власть в Исламской республике Иран. Тегеран: Университет имама Садега (на перс. яз.).
- Шадлу А. (2002/03) Фракционизм в исламском течении. 1360–1380. Тегеран: Возара (на перс. яз.).
- Abrahamian E. (2008) A History of Modern Iran, New York: Cambridge University Press.
- Ansari A.M. (2006) Iran, Islam and Democracy. The Politics of Managing Change, London: Chatam House.
- Moussawi I. (2011) Shi'ism & The Democratisation Process in Iran with a Focus on Wilayat al-faqih, London, UK: Saqi Books.

Shiite Clergy in Iran's Political Life

Elena V. DUNAEVA

PhD in History, Senior Researcher, Centre of Middle East Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Assistant Professor, Institute of Asia and Africa, Lomonosov Moscow State University. Address: 12, Rozdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation. Address: elena-vd@list.ru

CITATION: Dunaeva E.V. (2018) Shiite clergy in Iran's political life. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 169–189 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-169-189

ABSTRACT. *The article is devoted to the role of Shiite clergy in the Islamic revolution and in the political life of Islamic Republic of Iran. The author attempts to analyze the possibilities of the Islamic regime's survival in the context of modernizing society. IRI is a special model of the state system that embodies the idea of the Islamic rule of Imam Khomeini. Its political, socio-economic, legal spheres are based on Islamic principles. The clergy managed to establish almost absolute control over secular institutions. At the same time, the Iranian regime can not be regarded as the only theocratic. It combines Islamic ideas with republican principles and admits democracy as a form of political participation. Iran's political system combines elements of the modern Islamic theocracy with republican principles. Over nearly 40-years of its existence (since 1979), the political system underwent certain transformations which were caused by the economic and socio-cultural development of the society and external factors. The liberalization of the economic sphere and the development of political parties put on the agenda political changes. Liberal-minded clergy relying on the ideas of religious modernism support the strengthening of democratic elements within the Islamic Republic. Some of them are ready to abandon the principle of "velayat-e faqih" or to reduce the authority of the leader in political sphere. They initiated reforms in political and public sphere*

However, the clergy standing on the positions of fundamentalism, is not ready to reduce the Islamic component. They condemn the modernization trends intensified in Iranian society in recent years and are trying to bring the country back to the first post-revolutionary decade. However, the society is not ready to share such approaches. During the recent election campaigns Iranians have supported the liberal forces. The events of early 2018 demonstrated the protest potential of the society. This shows the desire of the citizens for further democratization of the political system and secularization of the public life. Although, there are calls for overthrowing the dictatorship of the clergy among the opposition groups in the West and inside the country. Hopes for the democratisation of the regime have not been lost. If external factors do not have a destructive effect, then the implementation of the Iranian model of modernization can become a reality.

KEY WORDS: shiism, Islamic government, political structure of IRI, Islamic modernism, reformists, conservatives

References

- Abrahamian E. (2008) *A History of Modern Iran*, New York: Cambridge University Press.
- Ansari A.M. (2006) *Iran, Islam and Democracy. The Politics of Managing Change*, London: Chatam House.

Darabi A. (2011/12) *Jaryanshenasi-ye siyasi dar Iran* [Political Currents in Contemporary Iran], Tehran: Centre for Culture and Islamic Thoughts studies (in Persian).

Doktrina islamskoj revolyutsii. Izbrannye mysli i vzglyady Imama Homejni [Theory of the Islamic Revolution. Chosen Thoughts of Imam Khomeini] (2009), Moscow: Nauchnaya kniga.

Dunaeva E.V. (2016) Politicheskaya sistema Islamskoj respubliki Irana: vyzovy liberal'noj modernizatsii [Political System of the Islamic Republic of Iran and the Challenges of Liberal Modernization]. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 111–120.

Fedoseenkova A.N. (2011) *Religiozno-politicheskij modernizm v sovremennom Irane. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Religious and Political Modernism of the Modern Iran. PhD Thesis], Moscow: IV RAN.

Filin N.A. (2014) Kontseptsiya «mar-dzhaata» v realiyakh sovremennogo Irana [The Concept of “Marjaat” in Modern Iran]. *Gosudarstvo, obshchestvo, mezhdunarodnye otnosheniya na musul'manskom Vostoke (Afganistan, Iran, Pakistan, Turtsiya, etnicheskij Kurdistan, sosednie musul'manskije rajony)* [State, Society, Interstate Relations on the Muslim West (Afghanistan, Iran, Pakistan, Turkey, Kurdistan and Neighboring Muslim Countries)], Moscow: IV RAN, Kraft+, pp. 210–218.

Kepel G. (2002) K «musul'manskoj demokratii?» [Towards a Muslim Democracy?]. *Neprikosovennyj Zapas*, no 6(26). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/kepel.html>, accessed 21.05.2018.

Khajesarvi Gh. (ed.) (2011/12) *Siyasat va Hokumat dar jomhuri-ye eslami-ye Iran* [Politics and Government in the Islamic Republic of Iran], Tehran: Imam Sadegh University (in Persian).

Lukoyanov A.K. (2009) *Islamskaya revolyutsiya. Iran – Opyt pervyj* [Islamic Revolution. Iran – First Experience], Moscow: May-print.

Mammedova N.M., Sanaei M. (eds.) (2001) *Iran: islam i vlast'* [Iran: Islam and Power], Moscow: IV RAN.

Moussawi I. (2011) *Shi'ism & The Democratisation Process in Iran with a Focus on Wilayat al-faqih*, London, UK: Saqi Books.

Shadlu A. (2002/03) *Takassorgaraii dar jaryan-e eslami. 1360–1380* [Factionism in the Islamic Current. 1360–1380], Tehran: Vozara (in Persian).

Sklyarov L.E. (1993) *Iran 60–80-kh godov: traditsionalizm protiv sovremennosti. Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya* [Iran of 60–80th: Traditionalism against Contemporaneity. Revolution and Counter-revolution], Moscow: Nauka.

Ulchenko N.Yu., Mamedova N.M. (2006) *Osobennosti ekonomicheskogo razvitiya sovremennykh musul'manskikh gosudarstv (na primere Turtsii i Irana)* [Specific Features of Economic Development of Modern Muslim States (Experience of Turkey and Iran)], Moscow: Gorodets.

Voznesenskij A.D. (ed.) (2011) *Vostok i Politika. Politichiskie sistemy. Politichiskie kultury. Politichiskie protsessy* [Orient and Politics. Political Systems. Political Culture. Political Process], Moscow: Aspekt-Press.